

502.6(С196) 211
Государственная Академия Истории Материальной Культуры
имени Н. Я. Марра

М-34

**МАТЕРИАЛЫ
ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1931—1933 гг.**

ОГИЗ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД**

1935

М-34

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

902.6
М34

**ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени Н. Я. МАРРА**

Выпуск 117

МАТЕРИАЛЫ
ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Список опечаток в книге „Материалы Эски-Керменской экспедиции“.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
8	17 снизу	подземной	подъемной
133	подпись к рис. 91	Разрезы кургана.	Погребение в кургане.
134	8 снизу	(рис. 92)	(рис. 91).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА И ТЕХНИКА
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОДСОУПРУЖЕНИЕ

ЛЕНИНГРАД

Отв. редактор *С. Д. Димитров.*

Технич. редактор *Л. Г. Левоневская.*

Книга сдана в набор 28/IX 1934 г. Цена 5 руб. Подписана к печати 11/V 1935 г.
ГАИМК № 13. Ленгорлит № 10671. Тираж 2 000 экз. Заказ № 2131.
Формат бумаги 62 × 94 см. 10 авт. л. (832 тыс. тип. зн. в 1 бум. л.). Бум. л. 4⁷/₈.

2-я типография „Печатный Двор“, трест „Полиграфкнига“. Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ
ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1931—1933 гг.

1. Э. С. Смирнов. Очерк истории экспедиции в долину реки Ишим	40
2. Э. С. Смирнов. Остатки древнего населения долины реки Ишим	45
3. А. А. Кудряков. Исследования в долине реки Ишим в 1931 г.	62
4. А. А. Кудряков. Исследования в долине реки Ишим в 1932 г.	83
5. А. А. Кудряков. Исследования в долине реки Ишим в 1933 г.	102
6. Э. С. Смирнов и А. А. Кудряков. Сибирские монголы	115
7. А. А. Кудряков. О некоторых раскопках в долине реки Ишим	125
8. А. А. Кудряков. О древних монголах долины реки Ишим	133
9. А. А. Кудряков. На историческом материале	140

~~ПРОСВЕЩЕНИЕ~~

Российский Институт культурного
и природного наследия
Библиотека

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1935

БИБЛИОТЕКА
И М С
№ 1573

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
1. Г. И. Петров. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции (предварительная информация)	12
2. Н. И. Репников. Подъемная дорога Эски-Кермена	18
3. Н. И. Репников. Ирригационные сооружения округа Эски-Кермена	43
4. Е. В. Веймарн. Отчет о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931—1933 гг.	47
5. Е. В. Веймарн. Остатки древнего водопровода близ урочища Мустафа-бей, в долине реки Качи	77
6. У. А. Боданинский. Черкес-Керменское укрепление „Кыз-Кулле“ по разведкам 1933 г.	81
7. В. П. Бабенчиков. Пещерный комплекс Шулдана	88
8. Н. И. Репников. Городище Качи-Кальен	102
9. Е. В. Веймарн и Н. И. Репников. Сюйренское укрепление	115
10. Н. И. Репников. О новейших раскопках крымских „дольменов“	126
11. А. Н. Бернштам. О деревянных постройках Крыма	135
12. В. П. Бабенчиков. Из истории Крымской Готии	145

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике объединены материалы Эски-Керменской экспедиции, преимущественно за 1931—1933 гг. Сборник, тем самым, непосредственно примыкает к «Готскому сборнику», выпущенному в 1932 г. Государственной Академией истории материальной культуры имени Н. Я. Марра¹ и содержащему итоги полевых исследований Эски-Кермена за 1928—1930 гг. Содержание печатаемых здесь работ почти вовсе лишено синтетических построений на широкой исторической базе и не охватывает той проблематики, какую ставил главной задачей Готский сборник. Оно сводится в основном к обнародованию извлечений из полевых дневников и путевых заметок. И все же незамедлительное опубликование такого собрания фактических данных отчетного характера вполне оправдано, особенно при наличии широкого интереса не только внутри СССР, но и за рубежом, возбужденного работами Академии в Эски-Кермене. Однако в виду коренного отличия скромных задач настоящего сборника от задач намечавшейся первым Готским сборником целой серии таких сборников, он выпускается вне этой серии. Этим подчеркивается, что широкая постановка готской проблемы вовсе не снимается в Академии, вовсе не подменяется частными темами из истории одной Крымской Готии. Напротив, она продолжает рассматриваться как одна «из основных в истории Восточной Европы»,² и ее разработка ставится с необходимой научной точностью и широтой.

Среди полевых кампаний последних лет в Эски-Кермене, информация о которых составляет предмет настоящей публикации, особенно должна быть выделена работа Советско-американской экспедиции 1933 г. В ней участвовали Государственная Академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Государственный Исторический музей, с одной стороны, и Филадельфийский университетский музей, с другой. Экспедицией, кроме некоторых работ на собственно городище и кроме раскопок его могильника, были проведены исследования в округе Эски-Кермена в более широких

¹ Готский сборник, Известия ГАИМК, т. XII, 1932 г.

² Ср. Н. Я. Марр, Готское слово guma 'муж', Известия Академии наук СССР, 1930 г., № 6, стр. 447.

размерах, чем во время предыдущих кампаний. На самом же городище задачи, напротив, были очень сужены и ограничили расчисткой всего 9 усыпальниц в районе так наз. Судилища и западной крепостной стены. Отчеты о результатах этих работ читатель найдет в соответствующих статьях настоящего сборника, иллюстрированных многочисленными чертежами и фотографическими снимками. Среди иллюстраций нет только изображений вещевого материала, добытого при раскопках. Но данные о находках приведены в тексте отчетов. Не дается вовсе документированной информации об исследовании могильника и о находках в нем. Публикация всех этих материалов будет осуществлена в отдельном издании совместно с американской частью экспедиции.

За кампанию 1933 г. было раскрыто 38 земляных склепов с коллективными погребениями, 3 подбойные могилы и 4 грунтовых на южном склоне городища к западу от храма с фреской «трех всадников», т. е. в том же районе, что и при раскопках 1928—1929 гг. Все погребения, и по способу захоронения и по вещевому инвентарю, аналогичны обнаруженным в предыдущие годы, опубликованным в Готском сборнике. Большинство их было ограблено или потревожено в древности; вполне сохранившимися оказалось 9 склепов. Скелеты в многих из них оказались настолько сохранившимися, что позволили собрать большую коллекцию костей и черепов, в значительной части сильно деформированных. Печатаемая здесь в порядке предварительной информации статья Г. И. Петрова делится результатами антропологического изучения костных остатков. Исследование их выдвигает важнейшие проблемы этногенеза, значение которых выходит далеко за пределы Крымской Готии.

Сборник состоит из 12 статей, касающихся разных объектов, охватывающих ряд основных пунктов, многие из которых служили предметом полевых исследований с начала экспедиционных работ в Эски-Кермене. Статья Н. И. Репникова о подземной дороге сводит воедино результаты расчистки ее и прилегающих к ней участков за весь период 1928—1933 гг.

Проблемой воды, выдвинутой с самого начала работ на безводном городище, объединено три статьи сборника — две Е. В. Веймарна и одна Н. И. Репникова. Эта проблема получила новое направление с момента обнаружения в 1929 г. водопровода в балке Бильдеран, в полутора километрах от Эски-Кермена. Совершенно естественно, что вопрос о водоснабжении был поставлен руководством Академии одной из основных задач экспедиции. От разрешения его зависела в известной мере не только полнота исторического изучения Эски-Кермена, но и прежде всего намечавшаяся возможность использования водопровода в настоящее время для ирригации засушливого Эски-Керменского района, что должно было бы сыграть крупную роль в поднятии сельского хозяйства. Подробный отчет Е. В. Веймарна показывает, как напряженные и широко поставленные поиски и разведки не дали положительных результатов. Даже част-

ная задача о способах питания водой Эски-Кермена в период расцвета его жизни так и осталась неразрешенной.

Следующая группа статей сборника, тематически связанных друг с другом, объединяет 4 работы: У. А. Боданинский—Черкес-Керменское укрепление «Кыз-Кулле» по разведке 1933 г., В. Л. Бабенчиков — Пещерный комплекс Шулдан, Н. И. Репников — Городище Качи-Кальена, Е. В. Веймарн и Н. И. Репников — Сюйренское укрепление. Все они посвящены обследованию поселений и укрепленных пунктов на периферии Эски-Кермена, составлявших с ним некую единую, связанную цепь. В частности, относительно одного из них, именно, соседнего Черкес-Керменского укрепления Кыз-Кулле, высказывалось предположение, в связи с запиской готского топарха, что оно-то и служило временным центром Готских Климагов в промежуток между разрушением и восстановлением Дороса. Статья У. А. Боданинского о разведках, произведенных там в 1933 г., свидетельствует, что добытые пока данные указывают, в основном, на XIII—XIV вв., как на дату комплекса Кыз-Кулле. Поэтому, до тех пор пока не удастся раскрыть здесь сооружений X в., т. е. синхроничных записке топарха, вопрос об отождествлении крепости топарха с Кыз-Кулле остается без научных обоснований.

Статья Н. И. Репникова о раскопке поля каменных ящиков сообщает о выполнении еще одной дополнительной исследовательской задачи, также на периферии Эски-Кермена.

На первый взгляд обособленная от Эски-Кермена краткая заметка А. Н. Бернштама о деревянных постройках Крыма является, на самом деле, информацией участвовавшего в нескольких экспедиционных кампаниях этнографа о намечающихся связях между отдельными строительными приемами базилики, раскопанной в 1930 г. на Эски-Керменском городище, и некоторыми древними конструкциями деревянного строительства Крыма.

Таким образом, публикуемые в настоящем сборнике материалы в целом представляют безусловно определенное единство. Они тематически связаны друг с другом и являются многосторонней информацией об экспедиционных исследованиях на протяжении многих лет.

Особняком стоит помещаемая в конце статья Бабенчикова «Из истории Крымской Готии». Она касается некоторых важных моментов из истории классовой борьбы в Крымской Готии и построена на интерпретации двух письменных источников: «Жития Иоанна Готского» и «Записки готского топарха». Таким образом, по содержанию и по характеру она выходит за пределы документированных извлечений из дневников о полевых работах и, тем самым, как бы нарушает единство сборника. И, тем не менее, включение ее вполне оправдано прежде всего тем, что она дает попытку связать с событиями внутренней жизни, с историей классовой борьбы некоторые археологические наблюдения экспедиции.

Но автор многого не учитывает. Выясняя роль Иоанна Готского

в восстании, он не обращает внимания на такой показательный факт, как то, что Иоанн в конце концов спасается в Византию. При наличии соседнего с Готией Византийского Херсонеса это обстоятельство должно было бы четко отразиться на всей его концепции.

Пытаясь раскрыть данные «Записки топарха», автор объясняет намечаемый раскопками факт катастрофической гибели города результатом напряженной классовой борьбы, сопровождавшейся приходом в Эски-Кермен «варваров» — хазар. Самый факт разрушения стен, по его мнению, говорит как будто бы за то, что целью «варваров» было уничтожить только крепость противника — замок феодалов. Отсюда, по его словам, становится ясным, что если «варвары» громили феодалов, то они представляли собой противоположный класс, т. е. эксплуатируемых крестьян. И дальше: «мы видим в данном случае в хазарах — широкие массы населения, а не их правителей, не хаканов... Кстати, топарх нигде не говорит о хакане или, по крайней мере, о начальниках варваров, как будто бы подтверждая нашу мысль, что на этот раз массы действовали самостоятельно». Само собой разумеется, что из одного факта разрушения феодального замка еще нельзя делать вывода обязательно о революционном разгроме его, хотя революционное разрушение замков в результате крестьянских восстаний в условиях феодального общества имело место неоднократно. Вывод о гибели замка в результате революционной борьбы должен быть обставлен в каждом отдельном случае вескими историческими данными. Ведь разрушение замков, поглощение одних феодальных центров другими типично для феодальной экспансии, для феодальных войн. Поэтому доводы автора — они все того же характера, что и только что приведенные, иных у него нет — не могут иметь значения исторически обоснованных доказательств. Автор хотя и базируется на данных, теоретически не только возможных, но и исторически необходимых в определенной обстановке, однако на таких, о которых нет никаких конкретных данных. К такому, для примера, относится «ряд восстаний», приведших к упадку хазарское государство. В. П. Бабенчиков вообще, касаясь хазарского вопроса, не учитывает, что он пользовался, главным образом, материалами и высказываниями о хазарах белоэмигранта Васильева, сделанные к тому же не в результате специальных штудий, а в общей работе. Ограничиваясь благодушным несогласием с ними и не давая заостренной их критики, нельзя дать правильного исторического истолкования этого эпизода классовой борьбы в Крымской Готии. Не расширять базиса своего построения, не вводить новых источников, которыми не пользовались буржуазные ученые или которые были замолчаны ими, значит — оставаться фактически на базе, более узкой, чем у них, и всецело зависеть от них, так как они не только дают враждебное нам освещение исторических фактов, но и тенденциозный подбор самых фактов и скрывают многие из них.

Автор должен был бы знать, что для изучения причерноморского юга и освещения его по-новому, для изучения всего Подонья-При-

кубанья и Приволжья — района на определенном отрезке времени хазарского государства — сделано советскими экспедициями много, особенно за последние 10—12 лет, и, в частности, экспедициями Академии истории материальной культуры. Говорить о хазарском государстве без учета всей истории причерноморской степи и лесостепи, без учета исторической смены оседлого хозяйства кочевническим и нового возникновения оседлых пунктов и центров и их гибели — невозможно.

Попытка В. П. Бабенчикова по-новому интерпретировать источники — несовершенна. Но она обещает, что, если за интерпретацию их возьмутся мастера-историки с широкой исторической подготовкой, то будут вскрыты лежащие еще мертвым капиталом исторические сокровища. Излагать историю Крымской Готии без учета попытки автора отныне уже нельзя. Поэтому включение статьи В. П. Бабенчикова в настоящий сборник оправдано вполне. Если же она привлечет внимание специалистов к затронутым ею вопросам, хотя бы в плане развернутой компетентной критики, то наличие ее в сборнике придаст последнему еще более активную роль в изучении Крыма.

Постройки ютились также иногда в высоких и широких естественных пещерах. Иногда эти вырубки идут в 2-3 ряда. Это говорит о том, что строили здесь в разные эпохи; новая постройка возводилась тогда, когда наплыв земли успевал значительно вырасти и уже нельзя было использовать старые вырубки.

Встречаются и мелкие гнезда, очевидно, для тонких жердей, типа «суруков», подобных тем, на которых татары подвешивают низки табака для сушки.

Делались постройки и при отдельных свалившихся в долину громадных камнях. Их особенно много в долине Текмэ-Таш (поставленный камень), обходящей Эски-Кермен с востока.

Само собой разумеется, что прискаловые постройки составляли незначительный процент всех построек.¹ В долине Текмэ-Таш есть места, поверхностный осмотр которых уже дает возможность предполагать, что здесь было немало обыкновенных построек: еще не совсем запыли землей кучи строительного мусора. Удавалось находить и стенки несомненно старой кладки и по местоположению своему утерявших всякий смысл для современного хозяйства.

Кроме таких явных следов древних поселений, есть еще много другого рода указаний на густую заселенность долин, окружающих древний Дорос. Параллельно юго-восточному его склону, по низу долины еще сохранились следы широких мощеных дорог. О цветущем состоянии долин говорят и лужайки среди леса с остатками одичавших культурных растений, посаженных в определенном порядке: здесь и груши, *pistatia mutica*, и роза, и нередко — виноград. Для сельского хозяйства здесь были налицо необходимые условия: отличная почва и достаточное количество воды.

Обильные заросли «болиголова» по всей долине Текмэ-Таш и в северном ущельи говорят об обилии подпочвенных вод. Северное ущелье выходит в широкую плодородную степь.

Все это приводит нас к убеждению, что окрестности Дороса были густо заселены земледельческим населением.

Самый Дорос возник как укрепленный пункт в V—VI вв.

Это — время процесса интенсивной феодализации Крыма в условиях резкого обострения классовой борьбы в рабовладельческом обществе и наступления «варваров» на Крым.

В старой исторической литературе существует мнение, что в начале VIII в. (время бегства Юстиниана II из Херсонеса, куда он был сослан, в Дорос, в 704 г.) в Готских Климатах образовалась «нейтральная территория, на которой Юстиниан был недосыгаем для прямых покушений со стороны византийских властей, а в то же время еще не находился во власти хазарского хакана». ² К этому мнению примыкает и Васильев, который говорит, что «эта часть горного Крыма с Доросом ушла в то время из-под прямого сюзеренитета Византии и пользовалась самостоятельностью». ³

¹ Ср. А. Н. Бернштам, ук. соч., стр. 13 сл.

² В. Г. Васильевский, Житие Иоанна Готского, Труды, т. II, стр. 388.

³ А. А. Васильев, Готы в Крыму, Известия ГАИМК, т. V, 1927 г., стр. 94.

Думается, однако, что эта предполагаемая независимость Готских Климатов представлена исследователями в несколько преувеличенном виде. Нет необходимости понимать и вассальную зависимость от византийских императоров как абсолютное подчинение Византии. Нет также надобности предполагать в данном случае непременно полный разрыв с Византией. Напротив, можно думать, что Готские Климаты и в это время обычных связей с Византией не порывали.

Хазары точно так же не порывали установившихся связей с Византией и не покушались на какие-либо агрессивные действия по отношению к Готским Климатам. Появление хазарского «тудуна» в соседнем Херсонесе (710 г.) не знаменует подчинения этого последнего хакану, так как херсонесский протополит Зоил остается у власти. Связь Херсонеса с хазарами могла не касаться Готских Климатов, — данных об этом мы, по крайней мере, не имеем. Участвуя в низложении Юстиниана II, снова попавшего на престол, Готские Климаты занимали положение союзников, а не независимых от хазар.

Союз с Византией и Готскими Климатами для хазар был особенно необходим, и именно в VIII столетии, в виду грозившей арабской опасности.

Союзные отношения закреплялись брачными: дочь хакана Ирина выходит замуж за Константина, сына императора Льва III.

В этих условиях в конце VIII в., около 787 г., в Готских Климатах происходит крупное политическое событие, которое, на первый взгляд, идет как будто бы в разрез с высказанными ранее соображениями, — вооруженное столкновение населения Климатов, предводительствуемого епископом Иоанном Готским, с хазарами, занявшими Дорос.

Восставшие прогнали из Дороса хазарскую вооруженную стражу и заняли горные проходы, ведущие к нему. Однако удержать долго позиции не могли. Глава восстания, епископ Иоанн, был выдан жителями одного местечка (селения? — *εἰνός χωρίου*) и посажен хазарами под стражу в городе Фуллах. Вместе с Иоанном были преданы и его люди (*μετὰ τοῦ ἰδίου λαοῦ*).¹

Восставшие «прибегли к хакану», который «казнил семнадцать неповинных рабов». Был захвачен в связи с восстанием правитель Готии, но наказания никакого не понес. Ученики Иоанна также были отпущены; хакан сказал: «эти вины за собой не имеют». А заключенный в Фуллах² Иоанн смог бежать к морю, где он благополучно сел на судно и уехал в Амастриду.

Вот все, что можно извлечь о фактической стороне этого события из жития Иоанна Готского.³

¹ Термин *ἰδιος λαός* по существу требовал бы специального комментария. *Ред.*

² Локализуются в Чуфут-Кале, около Бахчисарая. А. Л. Бертъе-Делагард, Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья Тавриды, ИТУАК, вып. 57, стр. 108—112.

³ В. Г. Васильевский, Труды, т. II, стр. 396—400, 416—427. Ср. приведенные у Васильевского данные из синаксарей — в минологии Василия Порфирородного X—XI вв. и в синаксаре *Chifi etian*, приведен в AASS там же, стр. 420.

Автор жития изображает это событие как результат племенной вражды между готами и хазарами, как столкновение двух народов, чуждых друг другу. Иоанн был выдан властителям хазар, «так как вместе с господином Готии, его начальниками и всем народом стоял за то, чтобы страну их не повелевали (*хатахорейдзи*) хазары».

Представители буржуазной науки полностью следовали точке зрения автора жития. Васильевский и вслед за ним Васильев полагают, что восстание носило национальный характер, что это было возмущение готов против хазар, причем властитель Готии в результате занятия Дороса будто бы был приведен хаканом в вассальную от него зависимость.¹ Не говоря уже о том, что в те времена не могло быть движений национальных, следует также усомниться, было ли это столкновение результатом племенной вражды хазар и готов.

Чтобы уяснить себе действительное значение и исторический смысл этих событий, нужно внести ясность в самые понятия «хазары» и «готы», раскрыть этнический и социальный смысл этих терминов. В свете последних исторических исследований «хазары» раскрываются скорее всего как «высший социальный слой, живший в городских центрах феодального общества — в Итиле, Семендере, в Саркеле и в других, нам еще не известных по их остаткам городах».² Хазарская держава явилась «крупнейшим результатом феодализационного процесса в северо-восточном Причерноморьи».³ В то же время готы в Причерноморьи и специально в Крыму представляют собою безусловно историческую реальность. «Этногонически они образуются на основе общего для Причерноморья процесса феодализации в составе ряда скрещенных элементов».⁴ Крымские готы в VII — VIII вв. — это не только социальная верхушка населения Готских Климатов, а все их население, во всей сложности их социальных отношений.

Несомненно, что в этих условиях сложения феодального общества у готов интересы классово-враждебных его элементов не могли совпадать, отношение к хазарам представителей различных социальных слоев не могло быть одинаковым. Истолковывать поэтому движение, возглавленное Иоанном Готским, в плане племенной вражды нельзя.

Другое предположение, что восстание готов носило религиозный характер, не подтверждается источниками. В самом житии нет абсолютно никаких намеков на столкновение готов с хазарами на религиозной почве.

Объяснение нужно искать, очевидно, в самой феодализации готского общества, в процессе окончательного укрепления его феодализирующейся верхушки в качестве феодалов для закрепления эксплуатации непосредственного производителя и борьбе

¹ Ук. соч., стр. 204.

² В. И. Равдоникас, ук. соч., стр. 88.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 91—93.

этого последнего против закрепощения. Борьба эта осложнялась процессом борьбы между феодалами.

Подтверждением правильности именно такого истолкования событий 787 г. в Готии является и то, что занятие Дороса хазарами не сопровождалось войной. На это мы нигде указаний не находим. В житии говорится кратко и ясно: «хакан, отправив [отряд войска], занял крепость их, по имени Дорос, и оставил в ней вооруженную стражу». Получается впечатление, что Дорос был занят отрядом хазар *без сопротивления*. Самый отряд, очевидно, вскоре же удалился, оставив вооруженную стражу. Значит, хазары не рассматривали Дорос как крепость, долженствующую служить опорным пунктом. Отсюда может быть сделан только один вывод: хазары заняли Дорос и поставили в нем вооруженную стражу не по своему почину. Представляется возможным предположить, что мы имеем здесь дело с призывом «изнутри», с приходом войск другого государства по приглашению верхушки данного государства в виду резкого обострения классовых отношений.¹

Если допустить такое предположение, то многое становится ясным.

Дорос — не только крепость, но город-замок, населенный феодалами, с их вооруженной охраной, обслуживающими их ремесленниками и т. д.

Если мы признаем, что Дорос — феодальный город, а не только крепость в строгом смысле этого слова, то это отнюдь не противоречит высказывавшемуся мнению, что Дорос строился при участии Византии. Во время войны он мог выполнять функции крепости, мог служить средоточием военных сил, выдерживать осаду.

Возможно возражение и такого рода, что Дорос не мог быть населен никем, кроме войск, потому, что он «есть трудно доступное, а потому и крайне неудобное, особенно для земледельцев, занятых в полях и садах в низине, место поселения. Сюда далеко и трудно ввозить продукты земледельческого труда, и здесь в тесноте трудно было хранить эти продукты в сколько-нибудь значительных количествах».²

Сомнения в этом направлении отпадают сами собой; во-первых, феодалы — не земледельцы, а землевладельцы, присваивающие продукты сельскохозяйственного труда у окрестных крестьян путем внеэкономического принуждения; во-вторых, трудности доставки их меньше всего печалили, так как они заставляли доставлять им эти продукты путем того же принуждения; впрочем, в те времена подъездной путь к южным воротам был отлично устроен, в чем убедили последние раскопки;³ в-третьих, что касается хра-

¹ Это должно быть обусловлено совпадением завоевательных тенденций феодального хазарского государства с направлением развития классовых противоречий феодализирующегося общества готов.

² Ф. И. Шмит, Эски-Керменская экспедиция, Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 11—12, стр. 64.

³ См. выше.

нения продуктов, даже и в значительных количествах, то надо думать, что на территории города, имевшего в длину более километра (1040 м), место, конечно, нашлось бы.

Таким образом, наше предположение о том, что Дорос являлся крупным центром Готии, населенным верхушкой феодалов, вполне допустимо.

Эта-то верхушка, как нам думается, и призвала на каких-то условиях хазарский отряд, узнав о готовящемся против нее восстании эксплуатируемой массы.

Нам остается только подчеркнуть, что она должна была руководиться при этом не хазарскими интересами, а своими классовыми интересами, защищать которые хазары и были призваны. Хазарский же хакан направил свой отряд на помощь Доросу, руководимый такими же классовыми соображениями.

В свете такого толкования понятно, почему правитель Готии был пощажён хаканом, равно как и то, что ученики Иоанна были отпущены после допроса.

Лучшим подтверждением того, что восстание носило классовый характер, является то, что в конечном итоге расправа была произведена над рабами по приказанию хакана, — как уже упоминалось были казнены семнадцать «неповинных рабов». Слово «неповинных» нас не смущает. Цель самого описания — подчеркнуть подвиги и страдания Иоанна, а следовательно, подчеркнуть и зверства его врага — хазарского хакана, на примере его несправедливости, казнь рабов без доказательства их виновности. Может быть, слово «неповинных» надо понимать и в прямом смысле: истинные виновники обнаружены не были, и потому для острастки были казнены первые попавшиеся под руку. Но факт остается фактом: казнены рабы, все же лица, имевшие какое-либо касательство к событиям и принадлежавшие к классу феодалов, в сущности, не пострадали.¹

К сожалению, автор жития не ставил своей целью рассказать о самом восстании, о причинах, вызвавших его, о последовательности развивавшихся событий и т. п., ограничившись только изображением бедствий своего героя Иоанна, как возглавлявшего восстание. Вследствие этого житие не дает нам материала, на основании которого можно было бы представить, в какой мере гнев восставших после разгрома стражи обрушился на самих эксплуататоров.

Судя по тому, что правитель остался жив, можно думать, что все внимание восставших, тотчас же по изгнании хазарской стражи, было направлено на заботу о том, чтобы гарантировать себя от дальнейшего вмешательства хазар, для чего они в первую очередь и заняли горные проходы. Повидимому, в это-то время и подоспела хазарская помощь на выручку запертым в Доросе феодалам.

¹ Текст жития не дает достаточного материала, чтобы выяснить в полной мере роль упомянутых рабов в восстании.

Все эти события следовали, вероятно, одно непосредственно за другим, на небольшом отрезке времени. Возможно поэтому, что именно боевые события и оставили наиболее глубокий след в памяти ближайшего поколения, и имя хазар заслонило за собою истинную причину восстания. Автор жития ведет свой рассказ именно в этом освещении, подчеркивая, что все события вращались вокруг отношения к хазарам как иноплеменникам. Это, кстати, больше подходило и к его главной цели — изобразить Иоанна, причисленного за свои деяния к лику святых, пострадавшим от хазар, принявших незадолго до этого, как известно, иудаизм. Таким образом, самый факт восстания был использован церковниками в своих целях и, очевидно, искажен в своей первопричине.

Весьма вероятно, что на действия хазар совместно с готской феодальной верхушкой указывает и то обстоятельство, что Иоанн был заключен в Фуллах, а Фуллы, как предполагает Васильевский, были городом чисто готским, а не хазарским.¹ «О том, что Фуллы были центром и опорой хазарского могущества, ни из чего нельзя заключить», — говорит также Бертье-Делагард, ссылаясь на Ю. А. Кулаковского.²

Самое бегство Иоанна легче объяснить из предположения, что в Фуллах были готы, среди которых нашлись сторонники Иоанна, устроившие ему побег. А если Фуллы были готским центром, то мы можем предположить, с достаточной степенью вероятности, что хазары выдали Иоанна местным готским феодалам для расправы с ним как вставшим хотя бы и на время на сторону их классового врага.

Не лишен интереса еще один штрих, отмеченный в житии: кто-то несправедливо порицал преподобного Иоанна, будто бы он, Иоанн, был виновником того, что укрепление Готии было передано хакану и некоторые несправедливо убиты.

Факт этот попал в житие не случайно: очевидно, ходили слухи (а может быть, так в действительности и было), что хазары отбили Дорос у восставших благодаря предательству, и на Иоанна, как на представителя феодальной верхушки, падало подозрение в соучастии в этом предательстве.

Эта частности еще раз подтверждает наше предположение о том, что восстание в Готских Климатах в 787 г., возглавлявшееся епископом Иоанном, носило классовый характер и было направлено против эксплуататоров-феодалов, а хазарская стража, хазарский отряд и хакан — третья сторона, приглашенная феодалами Готских Климатов. Глава готской церкви Иоанн и правитель Готии могли возглавить это восстание готской эксплуатируемой массы в начале движения как представители старой феодальной знати, боровшейся против укрепления новой феодальной знати, исполь-

¹ Васильевский, ук. соч., стр. 424—425.

² А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., стр. 72.

зую в этих целях восстание. Ясно, что весьма быстро пути их должны были разойтись, чем и может быть объяснен факт «предательства восставших хазарскому хагану», о котором глухо упоминает житие.

В результате восстания выиграли феодалы, поддержанные вмешательством хазар, учитывавших, как уже отмечалось, в этом выступлении свои классовые интересы.

Два века спустя мощь феодального хазарского государства в силу ряда причин значительно ослабевает. Хазарские властители не только не способны осуществлять дальнейшие завоевания, а также поддерживать классовые интересы соседей, но не имеют силы справиться в пределах своей страны с эксплуатируемыми массами, в результате чего в конце X в. в Хазарии вспыхивает грандиозное восстание, которое пользуется своей военной силой, состоящей из конницы и пехоты. Восстание это обратило, по словам источника, в пустыню 10 городов и 500 селений¹ и, выйдя за пределы Хазарии, охватило потом и Готию, главный город которой был разорен, а его боевые стены снесены до основания.

Этот главный город, — по моему, несомненно, Дорос.²

Об этом восстании рассказывает документ, известный под названием «Записка готского топарха», относящийся к 60-м годам X в. и подробно излагающий события, имевшие место в Крымской Готии осенью 962 г.

Эти события трактовались буржуазными историками³ так же как и восстание Иоанна Готского, как война готов с хазарами. Однако мы придерживаемся несколько иного мнения.

Приведем в хронологической последовательности события, о которых рассказывает в «Записке» готский топарх.

«Мы тогда решили, — пишет топарх, — объявить варварам войну или, если нужно сказать правду, отложились от них из боязни, чтобы они не напали на нас первыми, и постановили сопротивляться им по мере возможности».⁴

Из дальнейшего изложения становится ясным, что незадолго перед этим страна топарха была опустошена варварами и были снесены стены главного города. Топарх решил вернуться в этот разоренный город (повидимому, перед этим благополучно эвакуировавшийся), но вернулся, на вербовав войско, которое он мог бы противопоставить «варварам».

Автор «Записки» говорит: «мы тогда решили...» Васильев полагает, что под словом «мы» надо разуметь «крымских готов или, лучше сказать, вообще население, жившее на территории тогдашней Крымской Готии».⁵

¹ Цифры эти, очевидно, преувеличены.

² Готский сборник, стр. 136.

³ Новейшая литература вопроса: Ф. Вестберг, Записка готского топарха, ВВ, т. XV; С. П. Шестаков, Очерки по истории Херсонеса, т. III; А. А. Васильев, ук. соч., стр. 195.

⁴ Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 283.

⁵ А. А. Васильев, ук. соч., стр. 240.

Однако с еще большим правом можно под этим «мы» разуместь не «готовы» и не «население вообще», а группу феодалов, бежавших из Дороса, которым, конечно, и интересно было восстановить свой феодальный центр и снова под защитой его стен вернуть утраченную власть.

Это предположение кажется нам более вероятным, особенно еще и потому, что в другом месте «Записки» топарх упоминает о своих «сторонниках» — «лучших» людях, к которым он отправлял вестников. При помощи этих «лучших» людей, надо полагать, он и собрал войско, достаточное для того, чтобы не только противостоять нападению «варваров», но даже первым начать военные действия против неприятеля. Предполагать же, что «население вообще» могло быть заинтересовано в восстановлении Дороса, нам кажется неверным.

Дорос, в который вернулся топарх, по его рассказам, более подходил на селение, так как не имел стен. Топарху удалось прогнать пехоту «варваров». Его конница также оказалась сильнее конницы противника, и к вечеру он оказался хозяином в Доросе. Но Дорос не мог служить надежной базой для последующих военных операций, и потому топарх приступает к устройству поблизости небольшой крепости (φρούριον) — вероятно, так наз. «Кыз-Кулле» на северной оконечности Тапшана.¹ Он укрепил ее двумя проломами в скале, которые отделили территорию крепости от остального массива скалы, как рвом. В эту крепость было снесено все наиболее ценное. Отсюда топарх решил начать постройку города. Предпринятая им с рассветом вылазка с отрядами конницы, пращников и лучников, в количестве более 400 человек, обнаружила отсутствие врага в окрестностях. «Варвары» ушли...

Чем объяснить, что грозные «варвары», разорившие 10 городов и 500 селений,² нападавшие, как говорит автор «Записки», с большим числом конницы и пехоты, отступили и так легко сдали позицию? Надо думать, что «варвары» эти не имели нужды защищать занятые позиции, имея целью только уничтожить базу противника — город с крепкими стенами. Самый факт разрушения стен, и разрушения весьма основательного, как показали раскопки последних лет, тоже говорит как будто бы за то, что целью «варваров» было уничтожить только крепость противника — замок феодалов. Отсюда становится ясным, что если «варвары» громили феодалов, то они представляли собой противоположный класс, т. е. эксплуатируемых крестьян.

Понятно, почему автор, представитель класса феодалов, рисует их такими ужасными: «они всех разоряли и самым бесчеловечным образом губили, подобно каким-то диким зверям, проявляющим ко всему свою ярость: они задумали злостно и бесцельно из нашей

¹ Готский сборник, стр. 140.

² Если эта цифра не преувеличена, то нужно предполагать, что действия варваров выходили за пределы Крыма, так как в Крыму такого количества городов и селений не насчитывалось.

(своей) земли сделать, так сказать, добычу мисян, т. е. разорить ее до тла. Прежняя мягкость и справедливость этих варваров позволили им раньше воздвигнуть трофеи; города и народы добровольно к ним присоединялись. Теперь же у них проявились несправедливость и произвол относительно подчиненных; они постановили: подвластные города, вместо того чтобы им служить и с пользой их благоустроить, поработить и уничтожить; ни в чем не виновные начальники не могли избежать смерти... люди ни в чем не повинные, защищенные клятвою, сделались добычею рук и меча». ¹

Васильев, как и другие исследователи, видит в этих «варварах» хазар, а внезапное «превращение» из «мягких» и «справедливых» в жестоких и бесчеловечных объясняет «полным упадком и распадом их державы». ²

Мы также считаем вполне возможным признать их за хазар, но видим в данном случае в хазарах — широкие массы населения, а не их правителей, не хаканов, которые вели мудрую политику, подчиняя себе «мягкостью и справедливостью» города и народы. Кстати, топарх нигде не говорит о хакане или, по крайней мере, о начальниках «варваров», как будто бы подтверждая нашу мысль, что на этот раз массы действовали самостоятельно, без опеки «лучших людей».

Небезынтересна в этом отношении и поправка выражения «нашей» земли на «своей» земли (см. выше). Не назвал ли феодал по классовой вкоренившейся привычке землю принадлежащей «нам», т. е. феодалам, а потом, желая отнести все дурные качества на долю врагов и приписывая им «бесцельность», как он выразился, действий, решил указать на то, что они «злостно» разоряли «свою» же, мол, землю, т. е. землю, на которой сами работали, пахали и сеяли.

Показательно и то, что автор, обвиняя варваров в жестокости, специально останавливается на такой детали, как избивение «ни в чем не виновных начальников». Здесь мы, несомненно, имеем указание на то, что «варвары»; будь они хазары или не хазары, расправлялись с «начальниками», т. е. феодалами или их ставленниками. Не есть ли это прямое указание на то, что таинственное «превращение» хазар было в действительности самым обыкновенным восстанием народной массы против угнетателей? Это, во всяком случае, освобождает нас от необходимости вдаваться в мистику и предполагать какие-то метаморфозы в психике и поведении хазар.

Нельзя не согласиться с тем, что во второй половине X в. хазарская держава вошла в полосу упадка, но причину этого упадка мы склонны видеть не только «в нападении и внедрении в IX в. мадьяров и с конца IX в. печенегов», не только «в разноплеменном составе государства» (оно и с первого дня своего зарождения было уже разноплеменным) и тем паче не «вследствие обнаружившейся

¹ Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 283.

² А. А. Васильев, ук. соч., стр. 244.

«слабости»,¹ а в напряженной классовой борьбе, выливавшейся в ряд восстаний, развернувшихся к 60-м годам в грандиозное движение, не ограничившееся пределами самой Хазарии, но передавшееся и в соседнюю Готию.

И топарх в борьбе с восставшими применяет обычный, проверенный способ: он собирает «сторонников». Они явились отовсюду, составили собрание из «лучших людей», на котором топарх предложил на обсуждение вопрос о том, к каким властителям надлежит прежде всего обратиться, чтобы получить помощь в случае повторения восстания. Собрание остановило свой выбор на русском князе Святославе, обладавшем «могучим многочисленным войском и гордую боевою силою», как говорит автор «Записки». Топарх был командирован к северному князю. Святослав не замедлил дать реальную помощь, как в свое время это сделал хакан хазарский, разгромивший восстание Иоанна Готского. Святослав пошел походом на войска хазар, разбил их в битве и взял их крепость Саркел. Топарх же был утвержден правителем Климатов, получил еще какую-то область и обещание части доходов русского князя. Такие милости не сыпались бы на голову топарха, если бы он был просто неудачником в политической игре. Святослав мог помогать только тем, от кого рассчитывал получить выгоды и покрыть свои милости с избытком. Для него, строившего на севере такую же феодальную державу, какую в свое время здесь создавали хазары, с одной стороны, выгодно было получить в лице топарха и его сторонников гарантию безопасности, с другой стороны, рассчитывать на их поддержку в тылу, когда он ударит на восставших хазар и, конечно, обеспечить себе легкую добычу: завладеть богатством феодалов-хазар было гораздо труднее, чем вырвать его из рук восставших. Легче было также заставить служить себе хазарские массы как победителю, когда они разделались с эксплуатирующими их феодалами.

Милости Святослава топарху и его сторонникам носят характер взаимных услуг, с учетом классовых выгод и преимуществ.

Второе восстание было, таким образом, также ликвидировано, и власть феодалов восстановлена, на этот раз под протекторатом киевского князя.

¹ Там же, стр. 244.

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Выпуск 72.

Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России.
Система господства и подчинения в феодальной деревне.

160 стр. Цена 2 р.

Выпуск 86.

Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси.

164 стр. Цена 2 р.

Выпуск 102.

Н. П. Грацианский. Бургундская деревня в X—XII столетиях.

256 стр. 3 р. 50 к., пер. 1 р. 50 к.

Выпуск 107.

Из истории западноевропейского феодализма.

А. Д. Удальцов. Родовой строй у древних германцев. *Н. П. Грацианский.*
Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период.
Е. К. Некрасова. Характеристика капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров.

132 стр. Цена 1 р. 80 к.

ИЗДАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

в Ленинграде { Магазин № 1 Леникогиза, пр. 25 Октября, 28.
Магазин № 109 Леникогиза при Гос. университете.

в Москве { Магазин № 2 Могиза, Моховая, 17.
Магазин № 15 Могиза для научных работников, улица
М. Горького, 26.

по СССР — Магазины Когиза.

Издания ГАИМК имеются во всех библиотечных коллекторах.

Издания можно выписывать наложенным платежом,

направляя заказ по адресу:

Ленинград, ул. Халтурина, 5,

Государственная Академия Истории Материальной Культуры
имени Н. Я. Марра.